

УДК 821.112.2

Т. Б. ГВОЗДЕВА*

ПРАЗДНИК ДЕМЕТРЫ В «РИМСКИХ ЭЛЕГИЯХ» ГЁТЕ

В статье разбирается художественное своеобразие «XII Римской элегии» Гёте. Греческие и римские праздники Деметры (Цереры), и в первую очередь знаменитые Элевсинские мистерии, таинства, посвящённые Деметре, Персефоне и Иакху, были самыми популярными мистериями всей античности. В эпоху правления династии Антонинов Элевсинские мистерии были перенесены в Рим. Гёте помещает современного ему читателя в Элевсин и погружает его в атмосферу мистерий Деметры.

Ключевые слова: Гёте, «Римские элегии», Деметра, Церера, Элевсинские мистерии.

«Римские элегии» Гёте стали итогом первого путешествия поэта в Италию, куда он отправился в сентябре 1786 г., «это своего рода поэтический синтез, в котором слышны отклики римских, итальянских озарений, восторженного бытия, исторических воспоминаний на почве Италии» [8, 567]. В «Римских элегиях» Гёте обращается к Риму XVIII века, но показывает его через образы Древнего Рима, которым он любит и восхищается. «Эпоха Гёте и Гегеля постигала античность во временном обращении, как бы в исторически обратном порядке. Показательны “Римские элегии” Гёте: чувственно-идеальная жизненная полнота ощутима поэту под напластованиями истории, за XVIII в. выступает древний Рим, но и этого мало — сам древний Рим означает, собственно говоря, Грецию, т. е. античность как классическую идеальность» [8, 586]. Таким образом, для Гёте Древний Рим являлся одновременно и олицетворением Древней Греции, Аттики, Афин.

Обратимся к XII элегии, которая начинается буколической сценкой из жизни современного Рима. Гёте предлагает нам взглянуть на весёлую толпу жнецов, которые возвращаются после работ по Via Flaminia. После чего поэт сразу переносит нас в Древний Рим, с горечью упомянув о бывшем празднике римской богини Цереры, который некогда устраивали во время жатвы и который теперь позабыт. Казалось бы, далее должно следовать описание римского праздника Цереры, однако Гёте замечает, что этот праздник при-

---

* Татьяна Борисовна Гвоздева — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); tbvozdeva@rambler.ru

шёл в Рим из Греции, а точнее — из Элевсина. Таким образом, из Древнего Рима поэт переносит нас в Древнюю Грецию, а именно в Афины, где в честь греческой богини Деметры проводились знаменитые Элевсинские мистерии.

Греческая богиня Деметра являлась одной из верховных богинь олимпийского пантеона. Дочь титанов Кроноса и Реи (Hes. Theog. 453), она была сестрой Зевса, Посейдона, Аида, Геры и Гестии. Гесиод в «Теогонии» писал, что Деметра была не только сестрой Зевса, но и его супругой. От Зевса Деметра родила Персефону (Hes. Theog. 912–914). Деметра — богиня земли¹, покровительница земледелия и плодородия (Hom. Il. V. 499–501), хлеба и урожая (Hes. Opp. 300–301). Она почиталась как Деметра Хлоя («зелень, посевы») и Деметра Сито («хлебная»), Деметра Карпофора («дарительница плодов») и Деметра Фесмофора («законодательница») [7, 116; 10, 76]. Дочери Деметры, Персефоне, поклонялись как богине прорастающего зерна и колосьев. Деметра и Персефона (Кора) были «с праэллинических времен важнейшими богами земледельческого населения Аттики» [10, 75]. В греческих полисах обеим богиням было посвящено много праздников.

Праздники занимали важное место в религиозной и общественной жизни древней Эллады. Как писал В. В. Латышев, «...наиболее уважаемым божествам посвящались особые, периодически повторяющиеся (ежегодно или раз в несколько лет) дни, в которые в честь их для отвращения их гнева или снискания милости совершались различные религиозные обряды и в которые люди чувствовали себя в ближайшем общении с данным божеством, чествовали и прославляли его торжественными процессиями, разными зрелищами и т. п.» [5, 107]. В афинском календаре упоминается несколько праздников в честь богини Деметры. 26-го посидеона (декабрь–январь) афиняне отмечали Халоа — земледельческий праздник молотбы в честь Деметры, Персефоны и Диониса² [5, 142]. 6-го таргелиона (май–июнь) проводили праздник Деметре Хлое — покровительнице зелени, посева. В месяце пианопсион (октябрь–ноябрь) отмечали ещё два праздника Деметры — Прерозии и Фесмофории. О Прерозиях практически ничего не известно. А вот с 9-го по 13-е пианопсиона афинские женщины принимали участие в празднике Фесмофории [5, 140]. Этот праздник, который попадал на самую посевную пору, был посвящён Деметре и её дочери Персефоне. В Фесмофориях участвовали только афинские женщины, что было большой редкостью, ибо женщины почти не принимали участие в религиозных праздниках. Более того, некоторые праздники им вообще было запрещено посещать, как например знаменитые Олимпийские игры в честь Зевса Олимпийского [2, 114–115]. На празднике Фесмофорий, который стал основой комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий», афинские гражданки совершали обряды, способствующие плодородию природы и будущему урожаю.

Однако праздник, упомянутый Гёте в XII элегии, — это не Фесмофории и не Халоа. Это знаменитые Элевсинские мистерии — праздник в честь триады земледельческих божеств — Деметры, Персефоны-Коры и Диониса-Иакха.

¹ Деметра отличалась от богини земли Геи, она не была матерью богов и людей, она «мать зерна и таинственной дочери, имя которой нельзя назвать непосвящённым» [10, 75].

² Праздник Халоа проводили как в Афинах, так и в Элевсине.

Интересно отметить, что в афинском календаре упоминаются как Большие (или Великие) Элевсинские мистерии, так и Малые Элевсинские мистерии. Большие Элевсинские мистерии проводились в Афинах и Элевсине в месяце боэдромион (сентябрь–октябрь), а Малые Элевсинские мистерии — в области Аттики Агры в месяце антестерион (февраль–март) (Orig. Contr. haer. V. 165).

Мистерии, или таинства получили широкое распространение по всей Элладе [5, 208]. От многочисленных государственных праздников Древней Эллады мистерии отличались тем, что если в первых могли принимать участие все греческие граждане, то участие в мистериях было доступно только посвящённым в таинства, т. н. *мистам* («посвящённым»). Мисты были обязаны хранить в тайне обряды, молитвы, жертвоприношения, особые культовые имена, т. е. всё то, что составляло сущность мистерий [5, 210; 12, 96]. Ритуал посвящения в мистерии обычно проводился в закрытых помещениях, куда не допускались те, кто не был посвящён в таинства [12, 96]. В основу мистерий, как правило, был положен некий миф, часто связанный или со смертью и последующим возрождением какого-либо божества, или с открытием неких таинственных знаний, имеющий символический смысл [5, 211]. Праздники часто проводились в ночное время и могли сопровождаться процессиями, танцами, пением священных гимнов или драматическими сценками, которые иллюстрировали основной миф.

В основу Элевсинских мистерий был положен миф о похищении Аидом дочери Деметры Персефоны. Этот миф кратко упоминается в «Теогонии» Гесиода (Hes. Theog. 912–914) и более подробно изложен в гомеровском гимне «К Деметре» (Hymn. Hom. V)¹. Юная Персефона играла на лугу с подругами Океанидами, когда земля разверзлась, и появившийся на золотой колеснице Аид схватил юную девушку и скрылся с ней под землёй. Похищение произошло так быстро, что никто его не видел, кроме богини луны Гекаты и бога солнца Гелиоса (Hymn. Hom. V. 1–37). Деметра, оплакивая потерянную дочь, облачилась в тёмные траурные одежды, и на земле воцарились голод и неурожай. Зевс потребовал, чтобы Аид вернул Персефону Деметре, но хитрый Аид дал Персефоне проглотить зёрнышко граната, чтобы она не смогла навсегда покинуть царство смерти (Hymn. Hom. V. 371–374). Таким образом, две трети года Персефона проводит с Деметрой, а одну треть года — с Аидом. Когда Персефона вместе с Деметрой, то земля цветёт и плодоносит, а голод и засуха прекращаются.

В мифологии и культе Деметры и Персефоны прослеживается связь урожая с культом умерших [10, 75]. Так, божества земли и растений часто становятся божествами смерти, как произошло и с культом Персефоны-Коры. В архаический период в Греции как прах умерших, так и зёрна помещали в глиняные сосуды. Земля принимала в себя и зерно, и прах умерших, которые помогают живым, благословляя их урожаем [10, 75]. Кроме того, плодородию земли способствовал и ритуал «сакрального брака». Так, Деметра сочеталась священным браком на острове Крит с местным земледельческим божеством Иасионом, что должно было символизировать плодородие земли и будущий урожай (Hes. Theog. 969–971). Подобные ритуалы были призваны помогать плодородию земли и были известны у многих народов [10, 75–77].

¹ Гомеровский гимн «К Деметре» датируется последней четвертью VII в. до н. э.

Большая часть гомеровского гимна посвящена скитаниям Деметры и поискам Персефоны. Особое место в этих поисках отведено пребыванию богини в городе Элевсин¹. В Элевсине Деметру, принявшую образ старушки, приветливо встретили царь Келей и царица Метанира. Их служанка по имени Ямба старалась развеселить богиню фривольными шутками. Ритуальное сквернословие также являлось одним из элементов повышения плодородия земли². Богиня, желая отблагодарить Келея, попыталась наделить бессмертием его сына Демофонта, закаляя младенца в огне (Нумн. Ном. V. 233–240). Огонь играл важную роль в Элевсинских мистериях. Он символизировал как очищение, так и возрождение в огне. Кроме того, К. Кереньи отмечал, что Персефону почитали как богиню огня [3, 119–120].

В гомеровском гимне к Деметре упоминаются некие элементы Элевсинских мистерий. Например, напиток, который Деметра попросила ей приготовить царицу Метаниру, стал впоследствии обрядовым напитком Элевсинских мистерий (Нумн. Ном. V. 208–211). Также говорится о храме Деметры в Элевсине, который по её приказу должен был возвести царь Келей (Нумн. Ном. V. 270–272). Более того, в гимне упоминается, что богиня оставила Келею указания, как надо проводить мистерии (Нумн. Ном. V. 273–274). Деметра особо выделила некоторых местных героев, Керика и Эвмолпа, потомки которых занимали высшие жреческие должности Элевсинских мистерий (Paus. I. 38. 3) [5, 214; 9, 44; 12, 108]. Сыну Келея, Триптолему, Деметра подарила зерно пшеницы и научила земледелию, которому тот в свою очередь, обучил всех людей (Нумн. Ном. V. 449; Apoll. I. 5. 2; Paus. I. 37. 2) [9, 39–43].

Элевсинские мистерии со временем стали одним из самых почитаемых панэллинских праздников. Исократ в «Панегирике» заявил, что два главных дара Деметры Афинам — это хлеб и Элевсинские таинства (Isocr. Pan. IV. 28). Пиндар (Pind. fr. 115) и Софокл (Soph. Fr. 719 D) называют посвящённых самыми счастливыми людьми не только в настоящей, но и в загробной жизни. О счастье, что сулит людям познание таинств, поёт хор в трагедии Еврипида «Вакханки» (Eur. Bacch. 72–74). Диодор Сицилийский отмечал, что посвящённые в таинства становятся лучше в нравственном отношении (Diod. Sic. V. 49. 6). Схолиаст к «Панафинейской речи» Элия Аристида утверждал, что Элевсинские мистерии могут по древности поспорить с панафинейским праздником. Со ссылкой на труд Аристотеля «Пеплос» (Aristot. Peplos. Fr. 637 (Rose)) в перечне самых известных в Элладе праздников на первое место Элий Аристид ставит Элевсинские мистерии (shool. Ael. Aristid. XIII. 189. 4–5).

В нашем распоряжении мало свидетельств того, как проходил элевсинский праздник [15, 231]. О мистериях знали только посвящённые в таинства,

¹ Элевсин — небольшой аттический город, расположенный недалеко от Афин, в гомеровском гимне упоминается как самостоятельный город [11, 95]. Очевидно, что в состав афинского государства Элевсин вошёл в конце VII в. до н. э. [11, 102], благодаря чему местный праздник в честь Деметры и Персефоны превратился в общеаттический праздник. А со 2-й пол. V в. до н. э., в эпоху могущества Афинской Архэ, Элевсинские мистерии прославились как самые знаменитые таинства не только всего греческого, но и античного мира (Plut. Phoc. 28).

² Подобное ритуальное сквернословие было и на элевсинском празднике (шутки на мосту через реку Кефис), и на празднике Деметры и Персефоны — Фесмофории, а также на праздниках Диониса.

избранные «мисты», которые давали клятву не разглашать доверенные им тайны. Те, кто раскрывал тайны мистерий, подвергался суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Так, Цицерон пишет о Диагоре Мелосском, который жил во 2-й пол. V в. до н. э. в Афинах и был посвящён в мистерии. Позднее, разочаровавшись в них, Диагор описал в своих сочинениях доверенные ему тайные знания и был за это приговорён к смерти, а его труды — к сожжению. Только поспешное бегство Диагора из Афин в Коринф спасло ему жизнь (Cic. *De nat. Deor.* I. 2. 63; III. 37, 89) [9, 49].

В. В. Латышев отмечает, что «посвящение в Элевсинские мистерии было доступно для всех эллинов...» [5, 216]. Однако М. В. Скржинская справедливо уточняет, что сначала к мистериям допускали только граждан Афин, причём как мужчин, так и женщин. С ростом популярности элевсинского праздника право допуска стало распространяться также на полноправных граждан остальных греческих полисов [12, 101]. Однако со временем и эти правила были изменены в сторону возможного увеличения посвящённых в мистерии — как для неполноправного населения греческих полисов, так и для рабов (при условии, что они не варварского происхождения)¹. Позднее был открыт доступ к мистериям и для римлян. Кроме того, важным критерием допуска к мистериям было отсутствие серьёзных правонарушений и преступлений (Aristoph. *Ran.* 352–371). В то же время всё вышеперечисленное не означало, что посвящённым в мистерии мог стать каждый желающий. Тот, кто стремился быть посвящён в таинства, должен был пройти долгий путь. В первую очередь ему следовало получить рекомендацию у представителей элевсинских родов Кериков и Эвмолпидов. Если не было никаких причин для отказа в посвящении, то под руководством наставника (мистагога) кандидат или новообращённый (неофит) проходил первую ступень посвящения — в Малые Элевсинские мистерии. Без предварительного посвящения в Малые Элевсинские мистерии нельзя было быть посвящённым в Большие (Великие) Элевсинские мистерии (Plut. *Dem.* 26; *Plat. Gorg.* 597c). Между первой и второй степенью посвящения был значительный временной промежуток — более года. После чего неофит должен был пройти ещё две ступени посвящений, чтобы в конце своего пути стать эпоптом (созерцателем).

Организация как Малых, так и Больших Элевсинских мистерий сопровождалась священным перемирием. Священное перемирие (экехерия) было хорошо известно как главная особенность панэллинских празднеств, таких как Олимпийские игры, а также Пифийские, Немейские и Истмийские игры [4, 119–120; 13]. На время подготовки и проведения этих праздников весь греческий мир прекращал военные действия, чтобы все желающие принять в них участие могли беспрепятственно добраться до места проведения праздника. Священное перемирие начиналось за 55 дней до начала как Малых, так и Больших Элевсинских мистерий [12, 103]. Однако на многих панэллинских праздниках священное перемирие часто нарушалось, чего нельзя сказать об Элевсинских мистериях. Элий Аристид в «Панафинейской речи» отмечал, что только на Элевсинском празднике священное перемирие никогда не нарушалось (Ael. *Aristid. Panath.* XXII. 7).

¹ Необходимо было пройти обряд формального усыновления афинским гражданином [12, 101].

Большие (Великие) Элевсинские мистерии праздновали в течение нескольких дней месяца боэдромион. Праздник начинался в Афинах, затем торжественное шествие мистов отправлялось по священной дороге в Элевсин, где в святилище Деметры и происходило главное действие Элевсинских мистерий. Таким образом, праздник состоял из двух частей. Первая часть, включавшая в себя действие в Афинах и процессию из Афин в Элевсин, была доступна не только посвящённым в мистерии, но и всем желающим, т. к. не являлась тайной¹. Тогда как основная часть элевсинского праздника предназначалась только для мистов, которые клялись хранить все сведения о ней в тайне. Поэтому свидетельства античных авторов об Элевсинских мистериях относятся в основном к первой части праздника, тогда как о второй мы почти ничего не знаем. Это даёт возможность многим авторам толковать тайные знания Элевсинских мистерий и строить различные концепции, которые представляются не всегда доказательными². Хотелось бы отметить, что задачей данной статьи не является рассмотрение вопроса о ходе таинств.

Элевсинский праздник начинался в Афинах. 13–15-го (или 14–15-го) боэдромиона шла подготовка к празднику³, а 16-го боэдромиона по призыву глашатая мисты отправлялись к морю для обряда омовения [9, 51]. 17–19-го боэдромиона проводили жертвоприношения. 20-го боэдромиона у Дипилонских ворот собиралась торжественная процессия, которая по священной дороге отправлялась в Элевсин. Во главе процессии несли статую бога Иакха. Пересекая мост через реку Кефис, мисты обменивались шутками. К вечеру процессия, в свете факелов, достигала Элевсина (Paus. I. 37–39). 21–23-го боэдромиона таинства проходили только для мистов [12, 104].

Основным местом, где проходили таинства, был храм Деметры. Вместо старого храма, который, по мифологической традиции, возвёл по приказу Деметры царь Келей, во времена Перикла Иктином был выстроен новый храм (Strabo. IX. I. 12). К созерцанию таинств допускались только мисты высшей ступени — эпопты (созерцатели). При входе в священный участок была надпись, в которой речь шла о том, что непосвящённые не могут войти в него [6, 22].

Известно, что среди обрядов, которые проходили в святилище Деметры, были драматические сценки, посвящённые мифу о Деметре и Персефоне. В. В. Латышев предположил, что они могли следовать в хронологическом порядке — брак Деметры и Зевса, похищение Аидом Персефоны, скитания Деметры в поисках дочери, пребывание Деметры в Элевсине у царя Келея, возвращение Персефоны, обучение Деметрой Триптолема [5, 223; 10]. Завершался праздник обрядом племохои, когда жрецы из двух глиняных сосудов выливали воду в специально устроенное в земле углубление, причём одна часть воды была направлена на запад, а другая — на восток (Athen. XI. 496).

Интересно, что по образцу Элевсинских мистерий во многих греческих городах стали проводить подобные праздники. Так, например, в г. Феней

¹ Интересно, что к процессии могли присоединяться и не посвящённые в мистерии.

² Например, монография Д. Лауэнштайн, см.: *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. М., 1996 [6].

³ Программа праздника со временем могла претерпеть некоторые изменения [16, 55–72].

отмечали мистерии Деметры Элевсинии, которые были в этот город перенесены из Элевсина правнуком Эвмолпа Наосом (Paus. VIII. 14. 8). Павсаний предполагает, что в Фенях проводились как Малые, так и Большие мистерии (Paus. VIII. 15. 1). В 15 км от Феней у горы Киллена располагался храм Деметры Фесмии, где также совершались мистерии (Paus. VIII. 15. 1). В г. Мегалополе «Великим Богиням», Деметре и Коре, проводили мистерии по образцу Элевсинских (Paus. VIII. 31. 1–4). Мистерии в честь Деметры и Кору, учреждённые мифологическим героем Кавконом из Элевсина, проводились в г. Андания (Paus. IV. 1. 4). В г. Флиунте каждые четыре года в честь Деметры праздновали мистерии, наподобие Элевсинских, которые ввёл брат царя Келея Дисавл (Paus. II. 14. 1)¹.

В эллинистическое и римское время многие правители стремились быть посвящёнными в Элевсинские мистерии. Так, Плутарх описывает забавный случай, произошедший с Деметрием Полиоркетом. Прибыв в Афины, он потребовал сразу посвятить его в высшую ступень мистерий, минуя низшую². Во время войн с Митридатом Корнелий Сулла в 86 г. до н. э. захватил Афины и приказал разрушить многие памятники архитектуры. Однако элевсинское святилище он пощадил. Плутарх пишет, что Сулла посетил Элевсин и был посвящён в таинства (Plut. Sull. 26). Многие римские императоры также стремились приобщиться к таинствам Элевсина. Октавиан Август после битвы при Акции и победы над Марком Антонием принял посвящение в Элевсинские мистерии [3, 118]. Светоний пишет, что Август, когда в Риме при нём разбирался процесс о привилегиях жрецов Деметры и таинствах, лично выслушал истцов по делу (Svet. Aug. 93; см.: Dio Cass. LI. 4.1; LIV. 9). Император Клавдий безуспешно пытался перенести в Рим Элевсинские мистерии (Svet. Claud. 25). Позднее это удалось императору Адриану, который был посвящён в мистерии дважды. Первый раз — ещё в 111 г. н. э., будучи командиром афинского гарнизона, в Элевсине, а второй раз — уже императором, на своей вилле в Тиволи [6, 46–47]. Знаменитый стоик Эпиктет резко выступил против переноса Адрианом Элевсинских мистерий в Рим, говоря о том, что от таинств только тогда есть польза, когда соблюдение всех обрядов является истинным, а не формальным (Ep. III. 21. 13). Известно, что Адриан в 125 г. расширил Телестрион («Зал посвящений») в Элевсине, а после смерти своего любимца Антиноя приказал установить у входа в Телестрион его бюст [6, 49]. После Адриана в мистерии были посвящены

¹ О влиянии Элевсинских мистерий на праздники в городах Северного Причерноморья подробно пишет М. В. Скржинская [12, 109–132].

² «... Деметрий написал в Афины, что немедленно, как только прибудет, желает пройти посвящение в таинства, причём весь обряд целиком, от низшей до созерцательной ступени, намерен постигнуть сразу. Это было противно священным законам и никогда прежде не случалось, ибо Малые таинства справлялись в месяце анфестерионе, Великие — в боэдромионе, а к созерцательной ступени посвящённых допускали не раньше чем через год после Великих таинств. Но когда прочитали письмо Деметрия, выступить с возражениями отважился один лишь факелоносец Пифодор, да и то безо всякого толку, потому что афиняне, послушавшись совета Стратокла, решили называть и считать мунихион анфестерионом и справили, нарочито для Деметрия, священнодействия в Агре. После этого мунихион из анфестериона превратился в боэдромион, Деметрий принял дальнейшее посвящение и сразу же был приобщён к числу “созерцателей”» (Plut. Dem. 24–26. Пер. С. П. Маркиша).

императоры Антоний Пий и Луций Вер, а также император Марк Аврелий. В 176 г. он получил один из высших жреческих санов мистерий — литобол («бросатель камней»). Д. Лауэнштайн пишет, что «император Марк Аврелий в 170–174 годах поднял комплекс из руин, заодно расширив главное святилище, а также добавив два двора и два второстепенных храма» [6, 30]. При нем изменился цвет одежд рядовых участников мистерий. Если ранее они были чёрными, что символизировало скорбь Деметры по пропавшей дочери, то по желанию Марка Аврелия они были изменены на белые [12, 105]. Позднее в мистерии был посвящён сын Марка Аврелия, император Коммод. Последним из посвящённых в мистерии римских императоров Д. Лауэнштайн называет императора Юлиана Отступника [6, 50–51]. А последним законным жрецом Элевсина был Евнапий, которому император Юлиан Отступник поручил восстановить пришедший в упадок культ богинь [3, 41]. В 396 г. н. э. король вестготов Аларих захватил и разграбил Элевсин.

Вернёмся к XII римской элегии Гёте. Поэт вспоминает римскую богиню Цереру и праздник в её честь, который ныне позабыт. Богиня Церера — римская богиня плодородия, созревания злаков, урожая, а также богиня подземного мира. В период борьбы патрициев и плебеев Церера возглавляла Плебейскую триаду богов (Церера, Либер и Либера) [14, 5]. Церере в Риме было посвящено несколько праздников. Вергилий в «Георгиках» отмечал, что земледельцы должны совершать весной в честь Цереры возлияния молоком и мёдом, а перед жатвой — почитать богиню песнями и плясками (Verg. Georg. I. 235–280; II. 380). О необходимости чтить земледельческих богов и тайные священнодействия Цереры писал Гораций (Hor. Od. III. 2). Овидий в «Фастах» советовал почитать Цереру как богиню урожая, который стал возможен только благодаря миру, принесённому в Рим императором Августом (Ovid. Fast. I. 663–704). Также Овидий упоминал праздник Церереалии (в честь Цереры, Либера и Либеры), сопровождавшийся сценическими играми, охотой на лисиц и разбрасыванием орехов (Ovid. Fast. IV. 681) [14, 188–189].

Однако Гёте под праздником подразумевал не римский праздник Цереры. Он пишет, что праздник богини, который ранее отмечали жнецы, пришёл в Рим из Греции, а точнее — из Элевсина. То есть речь идёт об Элевсинских мистериях, посвящённых Деметре. С III в. до н. э. культ римской Цереры постепенно «эллинизируется», сближаясь с культом греческой богини Деметры. Цереру Гёте называет богиней злаков, золотой пшеницы, которую она подарила людям. Уже Вергилий в «Георгиках» отмечает роль Цереры в земледелии и хлебопашестве (Verg. Georg. I. 219–220). Кроме того, Вергилий в первой части поэмы, посвящённой земледелию, упоминает корзины, которые Деметра научила плести царя Келея, и орудия труда, посвящённые Иакху (Verg. Georg. I. 165–166), т. е. предметы, которые использовались в церемониях Элевсинских мистерий. Это указывает на то, что римляне в нач. I в. н. э. уже хорошо были знакомы с таинствами, ещё до их переноса в Рим Адрианом.

Далее Гёте упоминает основные элементы Элевсинских таинств. Священные обряды, проводившиеся ночью, к которым не допускались не посвящённые в мистерии, «профаны», тогда как неопиты, готовятся к посвящению. Здесь интересно упоминание поэтом белых одежд неопитов, которые, как мы уже писали выше, были введены приказом Марка Аврелия вместо чёрных. Далее Гёте перечисляет некоторые сакральные предметы таинств — змею и

венки колосьев. Змея — символ земледелия, Деметру часто изображали на колеснице, запряжённой змеей или парой змей. Колосья, или в виде венка на голове богини, или несколько колосьев в руках, были неизменным атрибутом Деметры [10, 80]. Интересно упоминание поэтом шествия девушек, несущих в руках корзины (ларец) в дар богине. Идея мистического подарка в тайных процессиях использовалась во многих древних обрядах. Например, в Афинах на празднике Великих Панафиней молодые девушки из знатных аристократических родов, выполняя роль аррефор и канефор, несли в корзинах священные предметы в дар Афине (Arist. Ath. Pol. 18, 1; Thuc. VI, 56, 1; Aristoph. Lys. 668) [1, 134–136]. Далее поэт упоминает молитву, которую произносит жрец, и священный огонь. Некое тайное знание открывается неопиту, и он может перейти на следующую ступень познания, чтобы постигнуть тайный смысл мистерий. Здесь Гёте отсылает читателя к мифу о Деметре и Иасионе. Иасион, древнее критское божество, сын Зевса и одной из плеяд (Электры или Электрионы), которого полюбила Деметра и сочеталась с ним на Крите на трижды вспаханном поле. За это Зевс поразил Иасиона молнией. Этот миф впервые упоминается в «Одиссее» Гомера (Hom. Od. V 125–128). Гесиод в «Теогонии» добавляет, что основой брака Деметры и Иасиона была страстная любовь. Не случайно их сыном стал Плутос — бог богатства и изобилия, который получил от Деметры в подарок зёрна пшеницы и научил людей обрабатывать землю (Hes. Theog. 969–974). У Аполлодора мы видим другую версию этого мифа, согласно которой Зевс был разгневан на Иасиона и убил его за то, что тот совершил над Деметрой насилие (Apoll. III. 12. 1). Скорь Деметры по Иасиону напоминает нам отчаяние Деметры от потери Персефоны. Земля перестаёт плодоносить, поэтому боги вынуждены были на время отпускать Иасиона к Деметре¹. В этом мифе подчёркнуто критское происхождение Иасиона, так же как и в гомеровском гимне «К Деметре» упоминается, что в Элевсин Деметра пришла с острова Крит (Hom. II. V. 123). Миф об Иасионе получил развитие и в Риме. Вергилий в «Энеиде» упоминает, что Иасион и его брат Дардан родились в Италии (Verg. Aen. III 167 сл.). У Овидия в «Метаморфозах» Иасион фигурирует как муж Цереры (Ov. Met. IX. 422). Сервий в комментариях к «Энеиде» Вергилия отмечает, что Иасион и его брат Дардан с Крита переселились на о-в Самофракия, где Зевс посвятил их в мистерии Деметры (Serv. Verg. Aen. III 15 и 167).

Таким образом, Гёте в XII элегии говорит и о римском празднике Цереры, и о греческих Элевсинских мистериях, и о таинствах, которые открываются посвящённым в них. Но завершает элегию миф о любви Деметры и Иасиона, брак которых символизировал плодородие земли и урожай. Поэт смело переносит нас из современного ему Рима в Древний Рим, потом в Древнюю Грецию, затем опять в Древний Рим. Он легко, в нескольких строчках, как бы пунктиром намечает основные моменты Элевсинских мистерий, одной из самых больших загадок античного мира. Причём Гёте предлагает нам «римский», упрощённый вариант этих мистерий. И завершает поэт элегию некой любовной сценкой — опять же слегка коснувшись мифа о Деметре и Иасионе, превратив элегию в гимн любви, ибо высшая тайна, открытая посвящённым, — это любовь.

¹ Миф о смене времен года, является аналогом мифа о Деметре и Персефоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздева Т. Б. Мотив Кекропид в Аррефориях и Панафинеях // Древний Восток и античный мир. М., 1998. Вып. I. С. 14–137.
2. Гвоздева Т. Б. Женщины в спортивных играх Древней Греции // Современный юрист. М., 2018. № 3 (24). С. 114–127.
3. Кереньи К. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., 2000. 288 с.
4. Кузищин В. И. Олимпийские Игры как миротворческий фактор в политической жизни Греции // Вопросы истории. М., 2000. № 8. С. 119–135.
5. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Часть 2. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1899. 330 с.
6. Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996. 368 с.
7. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002. 280 с.
8. Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. 912 с.
9. Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887. 187 с.
10. Селиванова Л. Л. Сравнительная мифология. Часть II. Античный мир. М., 2003. 262 с.
11. Сергеева С. Н. Элевсин и Афины (с нач. II тыс. до VII в. до н. э.) // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 84–108.
12. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010. 464 с.
13. Шарнина А. Б. Эллинское единство и общегреческие празднества // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб., 2012. С. 257–272.
14. Штарман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. 321 с.
15. Mylonas G. E. Eleusis and Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961.
16. Parke H. W. Festivals of the Athenians. L., 1986.

REFERENCES

1. Gvozdeva T. B. Motiv Kekropid v Arreforijah i Panafinejah [Motive of Cecropides in Arrephoraia and Panathenaia]. Drevnij Vostok i antichnyj mir. Moscow, 1998. Issue I. S. 114–137.
2. Gvozdeva T. B. Zhenshhiny v sportivnyh igrah Drevnej Grecii [Women in sports games of Ancient Greece]. Sovremennyy jurist. M., 2018. No. 3 (24). S. 114–127.
3. Keren'i K. Jelevsin. Arhetipicheskij obraz materi i docheri [Archetypal image of mother and daughter]. M., 2000. 288 s.
4. Kuzishhin V. I. Olimpijskie Igry kak mirotvorcheskij faktor v politicheskoy zhizni Grecii [Olympic Games as a peacemaking factor in the political life of Greece]. Voprosy Istorii. M., 2000. No. 8. S. 119–135.
5. Latyshev V. V. Ocherk grecheskih drevnostej. Chast' 2. Bogoslužhebnye i scenicheskie drevnosti [Essay on Greek antiquities. Part 2. Liturgical and scenic antiquities]. SPb., 1899. 330 s.
6. Laujenshtajn D. Jelevsinskie misterii [Eleusinian mysteries]. M., 1996. 368 s.
7. Losev A. F., Taho-Godi A. A. Bogi i geroi Drevnej Grecii [Gods and heroes of Ancient Greece]. M., 2002. 280 s.
8. Mihajlov A. V. Jazyki kul'tury [Languages of culture]. M., 1997. 912 s.
9. Novosadskij N. I. Elevsinskie misterii [The Eleusinian mysteries]. SPb., 1887. 187 s.
10. Selivanova L. L. Sravnitel'naja mifologija. Chast' II. Antichnyj mir [Comparative mythology. Part II. Antique world]. M., 2003. 262 s.

11. *Sergeeva S. N.* Jelevsin i Afiny (s nach. II tys. do VII v. do n.je.) [Eleusis and Athens (from the beginning II thousand to VII century BC)]. Antichnyj mir. Problemy istorii i kul'tury [Ancient world. Problems of history and culture]. SPb., 1998. S. 84–108.
12. *Skrzhinskaja M. V.* Drevnegrecheskie prazdniki v Jellade i Severnom Prichernomor'e [Ancient Greek Festivals in Hellas and the Northern black sea region]. SPb., 2010. 464 s.
13. *Sharnina A. B.* Jellinskoe edinstvo i obshhegrecheskie prazdnestva [The unity of Hellenic and Panhellenic festival]. MNEMON. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. Issue 11. SPb., 2012. S. 257–272.
14. *Shtaerman E. M.* Social'nye osnovy religii Drevnego Rima [Social foundations of the religion of Ancient Rome]. M., 1987. 321 s.
15. *Mylonas G. E.* Eleusis and Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961. 416 s.
16. *Parke H. W.* Festivals of the Athenians. L., 1986. 208 s.